

**НЕСМЕРТЕЛЬНЫЕ
ПРОКЛЯТЯ**

**АКАДЕМИЯ
ДЛЯ СТРОПТИВОЙ**

**ЛИЧНАЯ ПОМОЩНИЦА
РЕКТОРА**

АННА ОДУВАЛОВА

**НЕСМЕРТЕЛЬНЫЕ
ПРОКЛЯТЯ**
АКАДЕМИЯ ДЛЯ СТРОПТИВОЙ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-44

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *И. Косулиной*

Одувалова, Анна Сергеевна.

О-44 Несмертельные проклятья. Академия для строптивой / Анна Одувалова. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-04-160548-3

Всего можно добиться, если видеть цель и верить в себя. Даже попасть в магическую академию, несмотря на то что папа-ректор категорически против. А упрямый характер и талант влипать в разные неприятности помогут сделать красавца-охранника своим единомышленником и соучастником в проказах...

Только вот что делать с поясом верности, которым наградил заботливый папочка? Но Кассандра и с этим справится, а подружки ей помогут.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-160548-3

© Одувалова А.С., текст, 2022
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2022

*Моей маме,
без искромётного юмора которой
текст ни за что не получился бы
таким позитивным.*

Автор

Глава 1

ВОЛШЕБНЫЕ ТРУСЕЛЯ

Труссы были до невозможности позорные: белые, в крупную ярко-алую клубничку с ядовито-зелеными листочками. Покрой тоже не радовал. Похожие мама покупала мне лет десять назад — с высокой талией, симпатичными рюшечками и алой тесьмой. Я взирала на чудо магического произвола, приподняв подол серой форменной юбки студентки пансиона, которой не являлась уже несколько часов.

— Ну папа-а-а! — в десятый раз простонала я, стараясь, чтобы голос звучал как можно тоньше и противнее. — Ты надо мной издеваешься, да?

— Нет! — Мой отец, достопочтенный ректор Имперской академии магических искусств, сурово смотрел на меня, восседая за массивным дубовым столом. — Это ты надо мной издеваешься! Кассандра, тебе семнадцать! Всего лишь семнадцать лет! Твое поведение даже для магички недопустимо, а уж для студентки пансиона благородных девиц и подавно!!!

— Так и брал бы меня сразу в магички! Нечего пытаться сделать из вольного ветра благородную

даму! — пафосно воскликнула я и почти сразу поняла, что перегнула.

Родитель едва сдержал издевательский смешок.

— Вольного ветра? Упрямой идиотки!

— Сам виноват! Надо было сразу зачислять в академию, еще полгода назад! Я ведь честно поступила.

— Теперь-то уж точно возьму! Будешь у меня под строгим родительским надзором изучать смертельные проклятия!

— А это зачем? — Я со всхлипом повернулась к нему, демонстрируя свое «веселенькое» нижнее белье.

— А это... — Родитель поморщился, видимо, магическое произведение ему самому не сильно нравилось. — Чтобы у меня было спокойно на душе! Скажи спасибо, что я тебе не металлический пояс верности нацепил, поганка! Инструкция на столе. Снять нельзя. Разговор окончен!

Я всхлипнула, схватила со стола инструкцию и рванула в коридор.

— Далеко не уходи! — крикнули мне вслед. — Сейчас знакомиться с другими млекопитающими пойдешь. Нужно же предупредить болезных, что в их бараньем стаде пополнение. Да еще такое сомнительное!

Отвечать не хотелось, поэтому я хлопнула дверью так, что задрожали косяки, и, надувшись, уселась в приемной на низкий кожаный диванчик. Настороженно-любопытный взгляд секретарши, по мне — слишком молодой и красивой, чтобы

работать со студентами, — я проигнорировала. Посмотрела на свиток с инструкцией на сероватой бумаге, но решила изучить ее позже. Настроение было ни к демону!

Не, безусловно, я во всем виновата сама. Папа планировал сделать из меня светскую даму, надежду и опору семьи — только так меня можно было выгодно выдать замуж, а я хотела быть магичкой, как мама. Поэтому и ставила на уши пансион благородных девиц, пока все же не добилась своего. Папа перевел меня в академию магии! Но, дьяволы, я же не знала, что победа достанется мне такой ценой!

При воспоминании о труселях в клубничку меня пробивала нервная дрожь. Интересно, как в них в туалет ходить? И в душ... И когда с меня их снимут?! Очень надеюсь, не перед выпуском или, того хуже, перед свадьбой! Не переживу. Шушель бы побрал папины эксперименты!

А ведь план был хорош! Когда постоянные прогулы, две драки и подожженные в кабинете кураторши занавески не возымели никакого действия и привели только к тому, что меня закрыли на неделю в келье на черном хлебе и воде, я пошла ва-банк. Нашла в трактире первого попавшегося симпатичного парня и предалась с ним разврату на подоконнике общежития пансиона благородных девиц. Ну как предалась... Нас застукали раньше.

Итог оказался закономерным. Директриса не выдержала, меня отчислили, а папенька, у которо-

го не осталось иного выхода, забрал меня с руганью и проклятиями себе под крылышко, в академию. Правда, на теоретический, а не практический факультет, на отделение смертельных проклятий, мотивировав свой выбор тем, что там мне, «змеюке», и место. Но факультет — это дело поправимое. Все получилось так, как мне хотелось. Впрочем, я всегда получала то, что хочу. Как и мама.

Только вот труселя в виде бесплатного приложения к обучению в академии я не заказывала. Задача номер один — от них избавиться, и как можно быстрее. Не дай демоны, кто увидит! Позору не оберешься. Быть мне здесь не опасной для общества заводилой, к статусу которой я привыкла, а белой вороной. Ну уж нет! На такое я не подписывалась.

Я не успела появиться в академии, а уже стала весьма известной персоной. Еще бы! Меня через весь холл и по центральной лестнице, словно барана на плече, нес сам ректор, а я неприлично ругалась, болтала ногами и сыпала проклятиями, к счастью, пока самыми обычными, магическим мне еще предстояло научиться. Огненно-рыжие, похожие на гриву пони волосы практически подметали ступеньки. Ленту из косы я потеряла раньше, пока спасала от разгневанного папеньки свой зад.

Моему несостоявшемуся любовнику повезло больше: он сиганул в окно и позорно сбежал. Благо этаж был второй. Вообще, я думала, папа кинется за ним, а не сразу же примется пороть ме-

ня. Парня жалко не было, я его едва знала. Жаль, что ошиблась. Мне досталось больше.

Я хотела войти в двери академии победительницей, а не въехать на плече отца, словно баран на заклание. Я бы вообще предпочла, чтобы о нашем родстве никто не знал. Но у папы были свои планы, и он решил меня представить всем лично.

Причем пренеприятнейшим образом. Из своей приемной он потащил меня за руку в самое людное место — столовую во время ежедневного ужина, чтобы уж точно никто не пропустил моего появления. Причем потащил прямо в таком виде, как и была — растрепанную, в помятой одежде ученицы пансиона благородных девиц и Трусуля (про себя я именовала их именно так — с большой буквы). Трусуля, конечно, никто не видел, но я знала: они на мне есть, и испытывала из-за этого дикий дискомфорт и ярость, которая пока не могла найти выхода.

Арион фон Расс взял меня за руку и вытащил за собой на деревянный помост-сцену.

— Разнополюе недомаги! Слушаем сюда! — гаркнул он.

Я даже голову в плечи вжала. От рева заложило уши.

В столовой воцарилась полная тишина, и все головы повернулись в нашу сторону.

— Вот эта юная — хотелось бы сказать: леди, но врать не в моих правилах, — наша новая студентка! Почему столько пафоса, спросите вы? А потому что она, к великому сожалению, моя

дочь! Существо взбалмошное, социально опасное и не поддающееся контролю и перевоспитанию. Змеюка, чтоб ее! Я, как родитель и педагог со стажем, расписываюсь в своей профнепригодности. Из пансиона благородных девиц ее выгнали за непристойное поведение, а наши стены и не такое видывали. Бойтесь ее и обходите, по возможности, стороной. Особенно это касается мужской части вашего бараньего стада, так как девушкам грозят только те неприятности, в которые их сможет втянуть моя дочь, а парням полный набор обеспечу я.

Ректор нехорошо улыбнулся и обнажил внушительные клыки — совершенно немыслимое дело, обычно он не позволял себе такого, если не собирался вступить в открытый бой, а тут не утерпел. Или я просто чего-то не знаю о папиной работе в стенах академии?

Я тяжело вздохнула, опустила глаза, прошептала под нос: «Зато я буду магичкой, как мама» — и торжествующе улыбнулась. Как же я хотела здесь учиться!

Это было три дня назад. За столь короткое время я успела раз пять пожалеть о своем решении. Точнее, о своем поведении, которое навело папу на мысль забрать меня в стены магакадемии. Учиться тут было трудно, непроходимых дур преподаватели не любили, а я пропустила полгода занятий и за умную сойти не могла. Если на спецпредметах мне давали поблажку и возможность нагнать, то на общеобразовательных было реаль-

но стыдно. Полгода в пансионе я ничего не учила принципиально, а сейчас жалела об этом.

Моей соседкой по комнате оказалась светло-волосая, похожая на ангела пифия Сильвена. Папа мотивировал выбор так:

— Две неадекватные девицы пубертатного периода быстро найдут общий язык. Так что, болезная кликуша, принимай к себе под крылышко мою змеюку! — обратился он к Сильвене, и та покорно кивнула, проигнорировав оскорбление ректора.

Не была бы я его дочерью, точно бы возмутилась. Но в стенах академии к папиному нраву, похоже, привыкли, и весь ор просто пропускали мимо ушей. Надо будет тоже попробовать. Судя по глазам, вспыхнувшим алым, его это злит. Папочка у меня на четверть демон — отсюда буйный нрав, любовь к оскорблениям, клыки, краснеющие в минуты гнева глаза и завидная сила, — но зато он меня любит. Иногда странной любовью, но все же.

Родитель оказался прав. С Сильвеной мы очень быстро подружились. Видимо, он не сильно на меня злился, а то бы подсунул по-настоящему несносную соседку или, того хуже, поселил бы с собой. Впрочем, может, просто пожалел окружающих. Я умела мотать нервы тем, кто мне не нравится. Именно поэтому папа даже не предложил жить вместе с ним в ректорских покоях. Знал, что свое недовольство я буду выражать постоянно и различными каверзными способами. Как-то, лет в четырнадцать, я сыпанула ему на полотенце

и нижнее белье красного перчика. Но тогда я действительно была обижена. Папа выгнал мою первую любовь взашей. Я рыдала три дня и мстила. Правда, парень того не стоил. Он был рыж, конопат и пытался стырить фамильное серебро, но кого в четырнадцать волнуют такие мелочи?

Соседка по комнате оказалась первым лучиком света в моем мире, который погрузился во мрак после того, как папа осчастливил меня Труселями. Она, как и я, презирала условности и плевала на общественное мнение, только я была буйным экстравертом, жаждущим общения и новых впечатлений, а Сильвена — интровертом со стадом таракашек в голове и весьма странным вкусом в одежде.

С Труселями я тоже в конечном счете подружилась. Они услужливо исчезали в душе и еще в некоторые не менее важные моменты и плотно льнули к телу, едва на горизонте показывались представители противоположного пола. Мне иногда казалось, будто Труселя разумны. Это заставляло нервничать и с удвоенной силой искать возможность от них избавиться. Кто знает, где разум в этом предмете туалета находится и как себя проявит?

Папа проболтался, что это его изобретение. А я просто не вовремя попала под руку, и испытать Труселя он решил на мне. Я мстительно подумала, что никогда не буду помогать ему демонстрировать свое изобретение. Хотя подозревала: он начнет меня упрашивать довольно скоро — перед ежегодным съездом магов. Вот ни

за какие блага не поддамся ни на какие уговоры. И вообще, сделаю все возможное и уничтожу экспериментальный образец. Плевать, сколько было в него вложено сил и сколько он может принести в семью денег.

Первая неделя в академии оказалась самой сложной. Приходилось постоянно чувствовать себя глупой, ничего не знающей и вообще слабым звеном в потоке. Преподавателей я раздражала, и нередко они пытались отыгаться на мне за очередную выволочку от ректора. Новые сокурсники косились подозрительно и уже заранее боялись, видя во мне воплощение отца и помня его слова. Хотя я даже не могу сказать, что они были не правы. Характер у меня был еще тот, папа, правда, грешил на мамины гены. Но, сдается мне, лукавил. Воспитывал-то меня он, мама у нас была красива, непостоянна и очень занята. Она давно жила самостоятельно и лишь изредка баловала меня своим искрометным вниманием. Ее приезд всегда походил на торнадо. Наш хрупкий мир разбивался вдребезги, очередная папина любовница собирала чемодан, не выдержав конкуренции, я, сраженная харизмой родительницы, начинала обожать маму с удвоенной силой, а папа после ее отъезда долго восстанавливал душевное равновесие.

Постепенно в академии все нормализовалось. Я худо-бедно освоилась, обзавелась друзьями, точнее подругами. Парни все же предпочитали со мной не связываться, помня об угрозах ректора,

хотя посматривали заинтересованно. Боги внешностью меня не обидели, и я любила выделяться из толпы. Если в пансионе благородных девиц это порицалось и мои вызывающе рыжие волосы приходилось прятать в косу, то здесь я могла блистать. Даже начала наслаждаться жизнью, когда поняла, что в состоянии нагнать сокурсников практически по всем предметам, но именно в тот момент начались Неприятности с большой буквы.

Светило солнышко, настроение было радужным, несмотря на начало учебной недели. Пары закончились пятнадцать минут назад, и наорала на меня сегодня только Леонэлла фон Сирр, преподававшая спецпредмет «Разновидности проклятий и их основные отличия», но Крисс — мой напарник по опытам — успокоил, сказав, что вредная тетка злится на меня больше из-за давней вражды с отцом, нежели из-за моих неудач, и всего лишь замещает молодого препода, который сейчас в командировке. А он мужик хоть и требовательный, но нормальный. С ним можно договориться, особенно если ты — симпатичная дочка ректора.

— Понимаешь, — хитро подмигнул мне черноглазый Крисс, — твой отец — научный руководитель Демиона фон Арриса. Не будет Демион к тебе придирается. Думаешь, заняться ему больше нечем?

После этих слов настроение стало еще лучше, и я глупо улыбалась, когда мы с Сильвеной шли в столовую, где сегодня на обед обещали мясо

и овощи. Об этом мясе я грезила с вечера пятницы. Выходные дни у нас были рыбными, а рыбу я терпеть не могла.

Неприятный сюрприз ожидал за поворотом. Так бывает всегда. Идешь, жизнью наслаждаешься, мечтаешь о вкусном обеде, а тут...

— Ы-ы-ы... — выдала я и попятилась к стене, попытавшись спрятаться за хрупкую и бледную, словно тень, Сильвену. Сильвена отвлеклась от своих грез и удивленно спросила:

— Касс, ты что?

— Ы-ы-ы... — повторила я, все же забилаясь в нишу у стены и стала оттуда наблюдать за тем, как высокий молодой человек в пыльном черном плаще грозно отчитывает одного из самых больших оболтусов нашего курса — огненно-рыжего красавца Леона.

— Касс, я не понимаю твоих «ы-ы-ы», — буркнула Сильвена. — Пошли уже. Что ты жмешься и мычишь, как умалишенная?

— Не-а, не пойду! — пискнула я, желая раствориться и стать незаметной, но с моей внешностью это было невозможно.

В академии, в отличие от пансиона благородных девиц, больше следили за успехами студентов, чем за внешним видом подопечных. Поэтому можно было ходить с распущенными волосами. Они горели, словно сигнальный костер, развевались за спиной, как пламя, и привлекали ко мне внимание, в том числе и из-за темно-синего форменного платья. Если Сильвена в нем ка-

залась бледным голубоватым призраком, то мне оно прибавляло яркости. Не заметить нереально.

Вот он и заметил. В глазах появился огонь, и молодой человек резко шагнул в мою сторону, уперся в стену руками и обличительно выдохнул мне в макушку:

— Ты!

Сильвена, пискнув, отскочила, едва парень бросил на нее тяжелый взгляд. Студенты разбежались из коридора, как мыши, а я испуганно жалась и выдавала: «Ы-ы-ы», — старательно мотая головой из стороны в сторону и всем своим видом показывая: «Нет, не я».

Не узнать его было невозможно. Пронзительные синие глаза, пленившие меня при первой встрече, невероятно чувственные губы и платиновые, совершенно нереального оттенка волосы, словно в них запутались лунные лучи. Он был хорош. У меня даже подгибались колени и мутнело в глазах. Я не просто так выбрала его для осуществления своего дерзкого плана и совсем не виновата, что карты спутал появившийся папа и моему знакомому, имени которого так не удалось узнать, пришлось сбежать. Ну а то, что приврала малость про возраст и положение, так это от безвыходности. У него на лбу было написано: *сворачивать студентку-первокурсницу не станет*.

— Ты меня преследуешь, да?

От презрительного выражения пронзительных глаз мне стало плохо. Ну зачем он сразу так? Я сама несколько потрясена встречей.

— Не-е-е, не, — проблеяла я, пытаюсь найти пути отступления. Честно сказать, впервые за многие годы я была близка к состоянию, когда хочется заорать: «Па-а-а-па!!! Спаси меня скорее-е-е!» И ведь примчался бы спасать, но я пока была на него зла, поэтому сдержалась.

— Какого шушеля ты тут делаешь? — уже спокойнее поинтересовался парень и приблизился. Он был очень зол. Даже на скулах заходили желваки.

— У-у-учусь... — Я бы хотела отвечать полно и красиво, но могла только нечленораздельно мычать.

— Так. — Парень отступил и взъерошил необычные, лунного цвета волосы. — Учишься, значит, — в его голосе звучала угроза. — А в пансионе младшие курсы курируешь, ты ведь так мне говорила? Сначала. — Синие глаза потемнели, а у меня задрожали руки и, подозреваю, упругие кудряшки вокруг лица.

— Там... — Я сделала несчастные глаза (с папой обычно срабатывало). — Там я училась... ну, до того как...

— То есть ты врала. — Он слегка прикусил нижнюю губу, вероятно, в задумчивости, а у меня сердце пропустило удар, а потом бухнуло, как набат.

Этот жест покорила меня еще в трактире. Парень не специально пытался привлечь внимание, но, боги, как же это было волнующе! Даже кровь закипала. Он опустил глаза, а потом вдруг неожиданно

данно посмотрел на меня, заставив подогнуться ставшие ватными ноги.

— Может, расскажешь правду, а то, знаешь ли, прыжок со второго этажа не прошел даром. До сих пор немного прихрамываю. Ты мне должна.

— Ну... Извини за прыжок... — Я пожала плечами и, почувствовав, что мой знакомый несколько опешил и утратил бдительность, поспешила улизнуть.

Как я неслась по коридору! Никогда с такой скоростью не бегала. Даже пообедать зайти не рискнула. Отсиделась в женском туалете, переводя дыхание, и перебежками пробралась в общагу, выдохнув только в уже ставшем родным коридоре.

В нашей комнате Сильвены не было. Моя соседка обнаружилась в триста тринадцатой. Мы там частенько собирались вечерами на девичьи посиделки. Настолько разную компанию найти было сложно. Лира — высокая статная воительница. Умница и красавица. Риз — хохотушка, добрейшей души существо, наивное и доверчивое. Сильвена — больше похожая на призрак, нежели на человека. Ну и я — рыжее проказливое недоразумение.

— И чем ты прогневала самого молодого и талантливоего препода академии? — поинтересовалась Лира, которая мне напоминала валькирию. — Сильвена говорит: он метал молнии, хотя обычно спокоен и вежлив.

— Он тут преподает? — Я сглотнула и присела на пол рядом с ее кроватью, натянув подол на ко-

лени. Перспективы вырисовывались не слишком радужные.

— Ага. Некоторые предметы. — Лира погладила меня по волосам и улыбнулась. Ласково, словно умалишенной. — Расскажешь, что там у вас произошло? А то нам интересно.

— Девочки, я попала...

— Выпьешь? — мигом подорвалась кареглазая хохотушка Риз. — У меня как раз настоечка готова. Фирменная!

— Риз... — Сильвена надулась. — У тебя одно лекарство от всего! Настойка. Пить вредно!

— Так они разные! Для каждого случая особенная. Как лекарство! — Риз махнула рукой и притащила большую бутылку с чем-то янтарно-золотым и периодически вспыхивающим.

— Не соглашайся, — наставительно заметила Сильвена и покосилась на бутылку практически с ненавистью. — Поверь моему опыту. С этого лекарства голова поутру болит так же, как с дешевого самогона.

— Не пила, не знаю, — призналась я.

Лира добавила:

— Так меру надо соблюдать!

— Принимая во внимание все аргументы, отказаться не могу. Не сейчас. — Я вздохнула и переместилась ближе к столу, на котором кроме печенюшек, чашек с чаем и конспектов валялась засушенная лягушачья лапка из запасов Риз, кастет, принадлежащий Лире, и еще масса разных мелочей.

— Ну как, расскажешь? — поинтересовались подружки после того, как я опрокинула полкружки тягучей сладкой настойки.

— Не только! — ответила я, смахнув выступившие слезы. — Еще и покажу.

И принялась каяться.

— Можно, начну издалека? — поинтересовалась я у девчонок и, не дожидаясь разрешения, продолжила: — Мама у нас — огонь! Яркая, умная, своевольная и папу бросила, когда мне было лет пять. С тех пор радуется редкими набегами...

— Бедная Кассандрочка... — сразу же вздохнули девчонки.

— Нет, мы привыкли и... — Я задумалась. — Понимаете, мамы бывает очень много. После ее появления воспоминания хранятся в душе долго. Не знаю, смогла бы я жить с ней постоянно. Так вот, я очень на нее похожа: и внешне, и по характеру. Слабое подобие, конечно, но папа дико боится, что вырастет из меня нечто столь же неуправляемое, опасное для общества и полностью лишенное материнского инстинкта. А он же хочет для своей деточки достойного мужа, а для себя — стайку рыженьких внуков. Не сейчас, но в перспективе.

— И? — нахмурилась Сильвена, которая, похоже, потеряла нить разговора. — И при чем тут разозленный препод?

— Папа и слышать не хотел о магакадемии, хотя способностями я не обделена.

— А мама у нас магичка? — поинтересовалась самая сообразительная Лира. На ее высоком лбу пролегла складка.

— Именно. И он меня отправил в пансион благородных девиц, видимо, запомнявав, что я никогда не делаю того, чего мне не хочется. В пансионе строгие нравы, и не таких, как я, обламывали, но есть один пунктик... — Я хитро улыбнулась. — Сколько бы денег ни отстегнули родители воспитанницы, если она предается разврату в холле общежития на подоконнике прямо перед комнатой комендантши... отчисления все равно не миновать.

— И ты... — Риз, щеки которой вспыхнули, даже рот ладошкой прикрыла.

— Ну а что я? — Мне внезапно стало стыдно, и краска прилила к лицу. — Не было ничего. Я же время подгадывала под папин приезд, но не учла двух моментов... Слишком тщательно выбирала парня — хотела, чтобы уж точно сработало. Нашла взрослого и красивого. Наврять, конечно, с три короба пришлось...

— Это был... — на лице Сильвены мелькнул ужас.

— Представляете! — в сердцах выдохнула я и потерла виски руками.

— А отец знает? — сглотнула побледневшая Риз.

— Нет, конечно. — Я даже поперхнулась. — Этот ваш препод как только понял, что я ни разу

не куратор младших курсов, а сама первокурсница, сразу же дал деру. Сейчас я понимаю, как повезло, что застукала нас комендантша, а папа видел только растрепанную меня и убегающего через сад парня. Войди он на миг раньше... — Я замолчала, чувствуя, как холодеют пальцы. — Наверное, не было бы больше в академии молодого и талантливое преподавателя. Папочка у меня суров.

— Но своего-то ты добила... — уточнила Лира, которая не изменила своей привычке и постаралась найти положительный момент в непростой ситуации.

— Ага, — мрачно заявила я и задрала юбку, демонстрируя Трусея. — Только, так сказать, с обременением.

Риз сразу же захихикала, зажав ладошкой рот. Лира наклонилась чуть ближе, два раза моргнула, но так и не смогла понять, в чем тут дело, а Сильвена задумчиво произнесла:

— Касс... ну, я, конечно, не особенно слежу за модой, но мне кажется, сейчас такое не носят... ты уж извини. Это твое дело, но...

— Знаю, что не носят! — Я раздраженно одернула юбку и посмотрела на подруг несчастным взглядом. — Это папочка постарался. Его тонкая душевная организации не выдержала. Он в красках представил, как далеко я могу зайти в следующий раз, и обезопасил меня таким вот причудливым образом. Я их назвала... — голос понизился до шепота, — «Трусея верности». Как вам подарочек?

— Ужас! — Лира даже от меня отодвинулась, словно от прокаженной. — Как же ты в туалет...

— Да с этим все нормально! Тут заклинание предусматривает! Но вот об отношениях с противоположным полом придется забыть! Не то чтобы есть с кем... Но сам факт возмущает! Мне кажется, эти шушелевы Труслея разумны! Они... — Я даже покраснела. — Они один раз меня даже за попу ущипнули, когда Крисс ко мне сзади в столовке прижался! Вот скажите, я-то тут при чем?! Едва сдержалась тогда, чтобы не заорать. Короче, девочки, нужно придумать, как их снять и уничтожить, как можно скорее. Это изобретение — угроза всем нам. Не снимем сейчас с меня — в следующем году пол-академии будет разгуливать в подобной красоте. У кого слоники, у кого мишки, ну или, как у меня, клубнички, шушель их поberi!

— Как он мог?! — Сильвена даже попыталась всплакнуть и, увидев недоуменные взгляды, пояснила: — Как твой папа мог так поступить! Это же ущемление прав!

— Сильв, — отрезала Лира. — Ты сейчас в курсе, про кого говоришь? Он в прошлом году Эриссу фон Зирру приковал наручниками к кафедре, так как она сказала, что не намерена терпеть этот беспредел и уходит тотчас. А вести аромагию было некому. И его не смутили даже клятвы написать в совет магов! О каких правах ты говоришь?

— Папа может... — вздохнула я, признавая правоту Леры, а она мрачно заметила:

— Чую, скоро нас всех так ущемят, Кассандра права. С этим нужно что-то делать!

— Что именно? — воскликнула я. — Против лома нет приема. Поверьте. Я испробовала все. Не в этом конкретном случае, а вообще. Если папа что-то решил, сложно настоять на своем.

— Я знаю, что нужно! — Риз подскочила и кинулась в кладовку.

— Только не говори, что и по этому случаю у тебя есть настойка! — страдальчески взывала Сильвена.

— Ты же пифия, должна знать! — пробухтела Риз. Из кладовки доносились грохот, лязганье и неразборчивое бухтение, которое складывалось в многократно повторяющуюся фразу: «Ну где же она?»

Встрепанная, раскрасневшаяся Риз появилась минут через пять. Под мышкой у нее была зажата бутылка, на этот раз с темно-вишневой настойкой, а в руках — пухлый, изрядно зачитанный томик.

— Вот! — Она гордо водрузила на стол потрепанную книгу, на которой золотистыми буквами было написано: «Сорок семь оттенков свежести». На некогда красочной обложке в упоительном поцелуе слились два не очень свежих мертвяка.

— Первое издание, — гордо заявила Риз и погладила засаленную обложку. Похоже, книгу перечитывали, и не один раз.

— Ты это читаешь? — презрительно поджала губки Сильвана, но глаза ее алчно заблестели,

когда она косилась на хит прошлого сезона — зомбо-эротический прорыв бульварной литературы.

Я не знала, ругали его больше или хвалили. И совсем не понимала, как он поможет избавиться от Труселей. Причем не понимала не одна я.

— И зачем ты притащила свое сокровище? — скептически хмыкнула Лира, приподняв томик двумя пальчиками за корешок. Риз тут же возмущенно фыркнула на соседку и отобрала книгу, нежно прижав ее к пышной груди.

— Мы будем на ней клясться! — торжественно заявила подруга.

— В чем? — подозрительно уточнила Сильвана.

— Ну... — Риз оказалась не готова к этому вопросу. — Ну, например, в том, что не будем целоваться, пока не поможем Кассандре избавиться от этих... от... панталонов! — торжественно заключила она.

— От Труселей! — поправили девчонки хором и придвинулись ближе. Теперь они смотрели на книгу с гораздо бóльшим интересом.

Настойка была разлита по рюмкам. Лира достала толстые свечи, и их установили на полу, образовав пентаграмму. Мы встали в центр и торжественно произнесли слова тут же придуманной клятвы, возложив руку на засаленную обложку эротического бестселлера.

— Во имя бутылки с наливкой, святого кастета и романтики, аминь! — торжественно закон-

чила Риз и первой опустошила стопку с настоеккой.

Я с опаской последовала ее примеру. По желудку прокатился теплый комок, и сразу стало как-то уж слишком хорошо.

Глава 2

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЕ ПРОКЛЯТИЯ

После того как я выпила еще немного настоечки и поплакалась в жилетку девочкам, поняла, что жизнь, в общем-то, начинает налаживаться. Только вот вряд ли теперь стоит рассчитывать на снисходительное отношение папиного аспиранта. Угрозил же меня шушель изо всех имеющихся в городе представителей противоположного пола выбрать именно этого проклятого блондина!

Леонэлла фон Сирр, оказывается, замещала моего несостоявшегося синеглазого любовника. Досада. Теперь не получится, как я планировала, валять дурака на неинтересном и сложном предмете. Демион, скорее всего, отыграется на мне, даже если будет бояться папиного гнева. А папа и гневаться не станет, только по головке погладит своего младшего коллегу, так как считает: если уж учиться, то хорошо и с усердием, а не как я привыкла.

Эти мысли я и озвучила девчонкам. Быть отстающей не хотелось, позориться — тоже, тем бо-

лее несданные предметы — это хвосты и отчисление. Почему-то я была твердо уверена: папа мне помогать не станет. Нет, я была далека от мысли, что он намеренно начнет меня топить. Но и спуску не даст. Просто так, из принципа и спортивного интереса.

— Да уж... это совсем плохо. — Риз вздохнула. Она так и сидела в обнимку с огромной бутылкой. — О! — встрепенулась подруга. — Сейчас же в учебном корпусе никого нет! Если пойти через переход, то даже охрану не встретишь. Призраки мотаются только на первом этаже у входной двери. Лабораторию, как правило, не закрывают. Из нее сложно стянуть что-либо значимое. Студентов после пар в аудитории не заманишь, а ты можешь потренироваться. Там же есть все необходимое. И защита хорошая. Если вдруг шарахнешь каким проклятием, оно сразу нейтрализуется. Идеальные условия. Тебе бы, Касс, чуть-чуть потренироваться. Научиться самому элементарному, тогда, даже если в теории будут пробелы, все равно никто особо не придерется. Зачет-то практический.

— Не-е-е, — протянула Лира. — Лаборатория закрыта. После того как в прошлом году выпускники устроили пожар на третьем этаже, двери запирают. Так что этот вариант не прокатит, придется тебе, Кассандра, завтра на парах краснеть. Ну не выгонит же он тебя.

— Не придется! — упрямо заявила я. — Думаете, с моим несносным характером меня никогда и нигде не запирали? Папе развлекаться таким об-

разом надоело, когда мне исполнилось лет десять. Слуги были твердо уверены, что я просто умею просачиваться сквозь стены, иначе почему они натываются на меня буквально везде? Меня так веселил испуг нянюшек, когда я подкрадывалась сзади и говорила: «Бу!». Они визжали, словно увидели мышь. Слишком нервные уходили через неделю, а вот стойкие очень скоро переставали реагировать на провокации. Но я придумывала новые. — Губы растянулись в улыбке, и я мечтательно прикрыла глаза, но почти сразу же вспомнила о теме разговора и продолжила: — В пансионе меня сажали на хлеб и воду, а я ночами бегала ужинать на кухню. Меня никто не заподозрил, винили, как водится, шушеля. Кто же еще может тырить ночами еду в пансионе благородных девиц? Так что если замок на двери не слишком мудреный, то я его открою без проблем. Навыком домушницы владею. Главное, чтобы там этого блондинчика не было. Я так понимаю, лаборатория закреплена за ним?

— Демиона? Не смейся! — хмыкнула Лира. — Не переживай. Он сейчас отдыхает и кутит. Он умный, но никогда не перерабатывает. Поверь. Чтобы умудриться развлекаться, когда работаешь под началом твоего отца, тоже нужен талант. Мало кому удастся. У нас все препода практически живут на работе. Почти всех хватает ненадолго, поэтому текучка большая.

— Ага, папа сам такой же, поэтому и уточняю. У нас дома все жили по принципу «Делай что-нибудь, только не сиди».

— Как раз твой красавчик — редкое исключение.

— Он не мой! — Я отмахнулась и убежала исполнять задуманное, вполне довольная собой.

Как и обещали девчонки, я без проблем попала в опустевший и непривычно тихий учебный корпус. Мне казалось, что хмель из головы уже выветрился, только стены в коридорах почему-то немного качались. Но сейчас это обстоятельство было мелким и несущественным.

Правда, касаясь призраков-охранников мои подружки ошиблись. Несколько неясных, тихо подвывающих теней летало впереди. Я почему-то посчитала, что, если проползу на четвереньках под зависшими в воздухе охранниками, они меня точно не заметят. Призраки, учуяв ползущую по пыльному полу студентку, нависли над рыжей макушкой и завывли сильнее. По спине пробежали мурашки, а в коридоре отчетливо похолодало. Особенно смелый даже бряцнул два раза цепями над моей головой. Пришлось отвлечься и грозно рыкнуть, копируя интонации отца:

— Что развозмущались? Не знаете, на кого цепями гремите! Я, между прочим, дочка ректора! Где хочу, там и ползаю! Вот позову папу, и будет вам!

Я решила не уточнять, что если папа прознает, чем я занимаюсь темной ночью, «будет» скорее мне, а не им.

Призраки то ли ошалели от моей наглости, то ли просто помчались жаловаться, но исчезли из

коридора довольно быстро, а я продолжила путь дальше. До двери оставалось совсем чуть-чуть, поэтому с четверенок я подниматься не стала.

Замок я вскрыла быстро, будто в руках у меня оказалась не шпилька для волос, одолженная Лирой, а настоящий ключ. Самое главное — все получилось сделать бесшумно.

Правда, радовалась я зря, так как, когда пробралась внутрь помещения, едва не свалила огромный скелет горного тролля, к которому был приделан слишком маленький для такого роста и размаха плеч человеческий череп. В остальном скелет был как у человека, только в полтора раза больше, и кости на нем изучать удобнее. Ну а череп заменили на человеческий. Зачем скелет стоял здесь, я не понимала, но вообще такими украшениями часто славились скудные интерьеры многих аудиторий. Видимо, их использовали вместо цветочных ваз. К счастью, углубленно анатомию изучали только травники, нам же — магам, работающим с проклятиями, — давали лишь поверхностные сведения.

Я негромко хлопнула в ладоши, и на стенах вспыхнули магические светильники. Помещение именовалось лабораторией по неведомой мне причине. Аудитория как аудитория, только места больше, и за рядами парт что-то наподобие небольшого спортивного зала. Ну и стены выполнены из особого материала, способного поглощать излишки магической энергии, что выпустили на волю маги-недоучки.

А еще здесь, в самом центре аудитории, между вторым и третьим рядом парт, стоял радужный магический столб-источник. Он вырос из пола и уходил в потолок. По нему циркулировала магическая энергия. Ее было много, и даже здесь, у преподавательской кафедры, я чувствовала теплое дуновение и несильные импульсы, словно кто-то пытался проникнуть сквозь защитную оболочку. Подзарядиться у источника мог каждый желающий. Я не стала отказываться и открылась, поглощая силу по чуть-чуть, не торопясь и смакуя.

Так как мне не нужно было много пространства для занятий (я же не маг-боевик), я устроилась прямо на месте преподавателя. Расположилась вольготно, откинувшись на спинку стула и водрузив ноги на стол, заваленный бумагами и склянками. А что? Нам говорили: комфорт прежде всего. Только маг, которому удобно, способен сосредоточиться и собрать нужное количество силы. По крайней мере, на первых порах, пока не выработался необходимый навык.

Риз была полностью права: мне простят пробы в теоретических знаниях, но если я не смогу создать хотя бы маленький черный сгусток энергии, в который можно поместить самое завальщее проклятие, никто со мной возиться не станет, и в летнюю сессию меня отчислят. Все остальные мои сокурсники азы постигли еще на первых занятиях, полгода назад, пока я музицировала в пансионе благородных девиц.

Папа мне помогать вряд ли станет, придется все постигать самой. После двух весьма печальных занятий я выспросила у своего соседа по парте Крисса, как в теории создать черный энергетический сгусток. Кстати, в магакадемии был принцип. Тут старались сажать девочку вместе с мальчиком, тем самым подчеркивая, что в заведении царит равноправие и пол не имеет значения. Один из пунктиков папы. Интересно, если бы у папы был сын, он бы на него тоже труселя в клубничку нацепил? Задать провокационный вопрос родителю я еще не успела, но что-то мне подсказывало: вряд ли. Так что все равноправие — исключительно напоказ. Как и многое в нашей семье.

Я медленно раскачивалась на стуле, предаваясь разным ненужным размышлениям и пытаясь заставить себя сосредоточиться. Слегка помутненное после приема настойки сознание плохо контролировало, что делает тело, и я в один совсем не прекрасный миг потеряла равновесие.

Почувствовав, что лечу спиной назад, я взмахнула руками, дрыгнула ногами и все же рухнула навзничь, больно припечатавшись затылком о дощатый пол. Сверху на меня полетели сброшенные со стола бумажки и склянки. Одна пузатая бутылочка из тонкого стекла разбилась прямо у моего уха, обдав меня россыпью мелких осколков и фонтаном вонючей жидкости.

Я с руганью подскочила, пытаясь оттереться от неведомого зелья. Здесь могло быть все что угодно, но, к счастью, на чудом уцелевшей этикетке

было написано «Усилитель проклятий. Концентрат». Безопасная штука, которая могла мне сыграть на руку. С ней будет проще создать что-то стоящее, а если не мыть до завтра руки, то и на парах можно блеснуть талантом и силой. Чего-чего, а силы у меня имелось в избытке, еще бы научиться управлять!

Так как роняла, била и портила чужие вещи я с завидной регулярностью, то к почти семнадцати годам жизни научилась быстро и почти незаметно ликвидировать все следы разрушений, ну и заодно своего пребывания на месте преступления.

Поэтому, игнорируя тупую боль в затылке, я раскидала листочки по столу. Правда, не как они лежали до этого, но очень похоже. Уцелевшие скляночки расставила, хотелось верить, по своим местам. Осколки смела в совок, а потом замаскировала в ведре под другим мусором, а липкую лужу, за неимением тряпки, вытерла подолом нового форменного платья. Благо оно у меня было не одно. Платье, конечно, жаль, но зато в аудитории, на первый взгляд, придраться стало не к чему.

В голове шумело. То ли настойка активно выветривалась, то ли встреча с дощатым (хорошо хоть не каменным) полом не прошла даром. От удара проснулся здравый смысл, а с ним и сомнения в разумности моего похода сюда. Тогда, в комнате девчонок, это казалось очень нужным и важным, но сейчас в мозгах завозился коварный вопрос: «А нужно ли?» Я загнала его подальше.

И вообще, стоило либо уж начинать делать то, зачем я сюда явилась, либо отправляться в комнату и ложиться спать. В любом случае, не имело смысла задерживаться тут надолго. Я не была уверена, что призраки-охранники не позвали на помощь кого-нибудь из живых. Они такие. Иногда соображают медленно, но умудряются найти единственно правильное решение. Например, слетать и настучать на нарушителя, к которому боязно сунуться самим. Хотя, казалось бы, чего бояться призракам?

Я выдохнула и снова с опаской устроилась на весьма удобном, но, как показала практика, не очень устойчивом преподавательском стуле. Закрыла глаза и попыталась сосредоточиться, как учили на занятиях. Магическая сила витала в аудитории, и набрать необходимое количество не составило труда. Она текла сама и словно просила: «Используй меня скорее». Проблемы возникли с ее преобразованием. В этот момент разум должен быть абсолютно чист, а мне, как назло, в голову лезли всякие глупости, начиная с Труселей с клубничками и заканчивая мечтами о еде. Не думать о вкусняшках оказалось намного сложнее, чем выкинуть из головы мысли о неприглядной детали моего туалета. А все потому, что из-за встречи с несносным блондином я прогуляла обед.

В итоге минут через пять я поймала себя на том, что, закрыв глаза, тихо бормочу под нос: «Не думать о большой пироженке, не думать о большой пироженке, не думать...»

— Вот же шущель! — выругалась я и испуганно распахнула глаза, подозревая нехорошее. Маг, думающий о ерунде в момент создания заклинания, — маг, опасный для общества. Так говорили все до единого преподаватели.

Переживала я, как оказалось, не зря. То, что я увидела прямо перед собой, заставило меня заорать от неожиданности и, соскочив со стула, метнуться к стене, снова обрушив со стола склянки и ворох бумаг. Я слышала звон, но проверять, что еще разбила, не стала. В этот момент было все равно. Хмель выветрился из головы, и я даже заикала от переизбытка эмоций. Магическая энергия сама начала аккумулироваться в руках, превращаясь в черный тугой комок будущего проклятия. Может быть, кому-то и нужны комфортные условия, чтобы колдовать, я же гораздо быстрее учусь и соображаю в состоянии стресса.

От двери по направлению ко мне подбиралось, пошатываясь на тонких костяных ножках, нечто. Моей магии и бурной фантазии не хватило для того, чтобы создать что-то, так сказать, с нуля. Почему объектом магического воздействия был выбран скелет горного тролля, не знаю. Наверное, правы были папа и последняя няня — у меня что-то не так с головой и большое воображение. Нормальный маг подобное создать бы не смог. Костяные кривоватые ноги торчали из огромного куска сдобного теста. Сверху на белой стекающей глазури разместились ярко-алые аппетитные клубнички и красовался человеческий череп, увенчанный

голубенькой кремовой розочкой. Тварь вышла жуткая. Она уныло мыкалась между партами и пыталась обратиться ко мне, неуклюже загребая костяными руками с огромными загнутыми когтями из полосатых, нежно любимых мною леденцов.

Я испуганно спрятала заготовку проклятия в карман от греха подальше. Как проклясть созданную больным воображением тварь, я все равно не знала. Я представления не имела, насколько монстрик опасен, поэтому начала по стеночке, стараясь не делать резких движений, пробираться к выходу из аудитории. Ни о чем совсем кошмарном я вроде бы не думала, ни на кого не злилась, поэтому плод буйной фантазии не должен был получиться агрессивным. Но осторожность — наше все. Как любила говаривать бабушка Лиз, «лучше перебдеть, чем недобдеть». А бабушке Лиз я доверяла.

Пока размышляла, тварь подобралась ближе и попыталась ухватить меня за платье. Я снова взвизгнула, прыгнула через парту и хотела дать деру, но тут учуяла запах. Запах, который заставил бы замереть любого сладкоежку. Созданное мной нечто упоительно пахло пирожным, самым настоящим, испеченным в кондитерской на углу улицы Трех Лип. Мы с папой туда раньше заходили каждые выходные, и я могла есть столько, сколько мне вздумается. Рекордом было десять штук. Потом я, конечно, болела и года два видеть сладкое не могла. Но сейчас... сейчас запах будил самые смелые гастрономические фантазии.

Я облизнулась и пошла в наступление. Тварь, которая из охотника внезапно стала жертвой, ша-рахнулась в сторону, но я оказалась проворнее и ухватила свое создание за костяную руку. «Пироженко, Пироженко, постой чуть-чуть спокойно, и я тебя съем», — пробормотала я кровожадно.

Пироженко послушно замерло. Череп чуть-чуть наклонился, словно тварюшка прислушивалась. А я задумалась, что мне со всей этой роскошью делать, не кусать же от бока прямо сейчас. Пироженко стоять спокойно не могло, оно пыталось меня потрогать. Костяные руки тянулись к волосам, а нос будоражил запах вкуснейшей сдобы. Варианта было два: либо все же закончить разбираться с проклятием, тогда нужно как-то изолировать эту вкусную тварь, чтобы не мешалась, либо отказаться от занятий и тащить вкуснятину к себе в комнату. Поразмыслив, я решила все же закончить начатое, временно выпихнула плод своих магических экспериментов за дверь аудитории и приказала стоять смирно, разумно рассудив, что оно либо само развеется, либо дождетя меня, и я отведу подарок девчонкам, пусть тоже порадуются.

Едва я выдохнула и снова привела в порядок пострадавшую аудиторию, настроившись наконец-то завершить начатое дело, как дверь резко открылась. Я дернулась, схватившись за швабру, и уже пошла в атаку — думала, что заявится мой магический эксперимент, но ошиблась.

Сначала в помещение боязливо заглянул призрак, увидел меня и пулей вылетел в коридор. По-

хоже, вид мой был слишком грозен для его нежной астральной души. Представляю. Лохматая раскрасневшаяся рыжая девица в мятом грязном платье и со шваброй наперевес напугает кого угодно. А следом за призраком в лабораторию по-хозяйски зашел Демион. Вид он имел грозный и притягательный. Единственное, что я смогла вымолвить, — это постыдное и маловразумительное: «Ы-ы-ы».

— Ты! — прошипел препод и ринулся вперед.

Я перепугалась такого напора и ярости во взгляде, швырнула в Демиона шваброй и, подбрав длинные юбки, кинулась наутек, лавируя между партами и стараясь ни обо что не споткнуться. Сердце колотилось в груди, как испуганный воробей, случайно угодивший между оконных стекол.

— Как я мог подумать, что ночью по моим владениям шастает кто-то другой! — грозно рычал он, следуя за мною по пятам и пытаясь ухватить за локоть. — Ты, видимо, никак успокоиться не можешь, да? Что тебе от меня надо?

Я хотела уточнить, что в данный момент это ему от меня что-то надо, а не мне, но разумно промолчала. Во-первых, боялась разозлить, во-вторых, берегла дыхание.

Он нагнал меня у стены, рывком развернул и притянул к себе. Кожу опалило обжигающее дыхание, а к щекам прилила краска стыда. Демион находился так близко, и глаза его казались настолько синими, что я совсем перестала сообра-

жать и доверчиво обмякла в сильных руках. Я еще помнила, какими мягкими были его губы, и хотела снова ощутить их вкус, поэтому потянулась сама, чувствуя, как учащается дыхание и перед глазами плывет картинка, но едва расслабилась и забылась, как сразу же получила щипок за известное место. Труселя, в отличие от меня, бдительность не теряли. Я ойкнула и принялась вырываться.

— Что, рыжая? — прищурившись, спросил он. — Как ты мне представилась — Темьяна? Это твое имя?

— Не совсем! — буркнула я, раздражаясь все сильнее. Труселям явно не нравилось тесное соседство с шикарным блондином, и они создавали мне максимум неприятных ощущений. В этот момент я готова была побить папу. Нельзя же так со своей дочерью! И еще этот тут отношения выясняет!

Блондин слегка толкнул меня и сделал шаг вперед. Я оказалась прижата к стене. Стало страшно и волнующе. Демион наклонился, принюхался и с ехидным смешком выдал:

— Да ты, рыжая, пьяненькая... Не боишься отчисления? У нас запрещены алкогольные напитки, а два отчисления за месяц... — Он задумался и медленно облизнул нижнюю губу, даже не отдавая себе отчет, зачем это делает и как смотрится со стороны. Вот зачем он так со мной? — Это, наверное, очень много, — закончил Демион, а я забыла, с чего начался наш разговор. Только спустя секунду сообразила: речь идет об отчислениях.

— Боюсь, — согласилась я. — Но буду сопротивляться всеми силами...

— Ты, наверное, с ректором нашим не знакома... — Демиион ухмыльнулся, и я не смогла ответить иначе.

— Ну откуда же мне? — вырвалось прежде, чем я успела подумать и взвесить все «за» и «против». — Познакомишь?

— Обязательно. — Он хищно улыбнулся, не заметив подвоха. — Ты же понимаешь, почему мне совершенно не хочется, чтобы ты здесь училась? Тот досадный инцидент, который произошел по твоей вине, может не очень хорошо сказаться на моей репутации. Ситуация рано или поздно всплывет. А мне это не нужно.

— Ну конечно! — буркнула я. — Во всем виновата я. Ты вообще в стороне стоял!

— Я не знал, сколько тебе лет. А ты врала и подставила не только себя, но и меня.

— Ну прости! — Я вины не чувствовала и в угрозы об отчислении не верила. Папа будет орать, но это его нормальное состояние. — Мне в академию хотелось больше. Тут интереснее. А ты под руку подвернулся. За подоконник и тебя меня отчислили из пансиона, и вот я здесь.

— Верю. Ты в пансионе смотрелась чудно, но и тут ты учиться не будешь. — Демиион не сомневался в своих словах.

— Щас! — Я упрямо выпятила подбородок.

— Пошли уже!

Он потянул меня за руку, а я упрямо уперлась каблуками в пол, внезапно вспомнив, что где-то там по коридору бродит несчастное Пироженко. Интересно, как Демион его умудрился не заметить? Я не знала, что меня пугало больше: то, что оно сейчас может поджидать нас под дверью, или то, что его там нет? И то и другое было плохо.

— Куда ты меня тащишь? — пыхтела я, упираясь. Надо было исправлять ситуацию, а я не знала как. Силы были слишком неравны.

— Да тут недалеко, — отозвался Демион. — В кабинет к ректору. Он просил узнать, кто там буянит в лаборатории. Арион фон Расс жаждет наказать нарушителя по всей строгости. А если учесть то амбре, которое от тебя исходит... Думаю, учиться ты здесь не будешь точно.

— Вот почему ты такой злой? — бухтела я, оглядываясь по сторонам и понимая, что Пироженко, похоже, попало непослушное и куда-то убрело. — Что с тобой произошло?

— Слава богам, ничего! Просто, знаешь ли, я не интересуюсь маленькими девочками. И не хочу тебя каждый день лицезреть перед глазами.

— Да-да, оно и видно! — съязвила я и добавила: — Да и тебе бы лучше исчезнуть с глаз долой. И не раздражать меня!

— Ну так больше и не увидишь!

Демион остановился так резко, что я не удержалась и полетела вперед, уцепившись за рубашку и врезавшись ему в бок. Демион был вынуж-

ден чуть развернуться и обхватить меня за талию. Клубнички на Трусеях возмущенно зашевелились, и я тут же отскочила, некстати вспомнив про припрятанное в кармане проклятие. Испуганно покосилась на Демиона и сунула руку в карман. Конечно же, стуска энергии там не было. Очень хотелось верить, что я его просто потеряла.

Глава 3

ГУЛЯЙ, ПОКА МОЛОДОЙ

Видимо, опасаясь, что жертва уйдет, Демион схватил меня за руку и потащил за собой по коридору. Я упиралась каблуками, сопротивлялась и совершенно рефлекторно орала: «Па-а-а-па!» Не то чтобы я жаждала его появления. Вовсе нет. Просто нормальные дети в детстве зовут маму, а вот я — папу.

Он не заставил себя ждать. Причем не выскочил, выбивая двери кабинета, чтобы спасти единственную дочь, а вышел нам навстречу вальяжненько так, с ехидной улыбочкой на смуглом, довольно красивом лице. Папа у меня был мужчиной видным, только характером обладал отвратительным и очень уж любил орать.

— А-а-а! Упыреньш, по недоразумению носящий звание мага! — с воодушевлением начал он. — Ты уже имел счастье познакомиться со стихийным бедствием, которое по совместительству

является моей горячо любимой дочерью? Судя по воплям и грохоту, разносящимся по этажу, — имел. И знакомство произошло, как эта рыжая зараза любит, с огоньком! Недаром призраки-охранники трясутся, словно флаг нашей славной империи на ветру. Понравилось?

— Д-д-очь... — просипел Демион. Мне даже жалко его стало. Думала, инфаркт его хватит прямо тут.

Папа довольно оскалился, потирая руки, и я поняла, что, похоже, мы с Демионом попали. Демион пока этого не понимает и не видит, слишком ошарашен новостями. А вот я этот взгляд изучила хорошо. Папа задумал какое-то развлечение, и, похоже, на этот раз за мой счет. Или я себе льщу и объектом издевательств является блондинчик?

Демион, который до сих пор держал меня за руку, отчетливо сглотнул и бросил на меня испуганный взгляд, но, надо отдать должное, позорно бежать не стал, только ладонь выпустил и отступил на шаг. Глаза его стали неестественно большими, а зрачки расширились. Боялся. И я его прекрасно понимала, но ехидную улыбку сдержать не смогла. Один-ноль в мою пользу. Впрочем, если вспомнить наше знакомство, даже два-ноль. Я лидирую со значительным перевесом.

— Спешу огорчить тебя, светило на склоне магического небосвода, — вдохновенно продолжал отец. От его речей всегда столбенели, и поведение Демиона не виделось ему чем-то особен-

ным. — Так как ни на что серьезное ты не годен, а пристроить к делу, как единицу штата, тебя необходимо, я решил объединить две опасные и бесполезные величины. Тебя! — Палец, униженный огромным золотым кольцом с рубином, ткнул Демона в грудь. — И ее! — Указующий перст переместился мне на нос, я не удержалась и клацнула зубами.

Папа поспешно спрятал руку в карман. Знал, что со мной стоит быть осторожным. Я и полфаланги отхватить могу.

— С этого дня ты лично следишь за моей дочерью, ее сомнительными успехами и отвратительными похождениями, — ошарашил он нас обоих.

Хотя меня меньше. Я ожидала чего-то подобного.

— Смотришь, чтобы деточка не сделала бо-бо себе и окружающим. Я мучился семнадцать лет и тихо надеялся, что после пансиона благородных девиц сразу же передам это сокровище в руки будущего мужа. Но упряма, рыжая змеюка, в мать. С пансионом у нас не сложилось, да и с замужеством, чую, возникнут проблемы, пусть уж будет магичкой. Хоть всегда при работе и, если повезет, при деньгах.

— А я-то тут при чем? — несчастно взвыл Демон, до которого, видимо, дошло, чем ему грозит создавшаяся ситуация.

Хорошо хоть он оказался неглупым и не стал сдавать меня отцу. Понимал, похоже, что будет только хуже. С моим родителем лучше не спорить.

Это чревато неприятностями и очень громкими воплями. Не все могут вынести. Демион, конечно, уже должен был привыкнуть, но кто его знает?

— А ты, как и полагается моему помощнику, будешь помогать мне управляться с дочерью. Так как мне либо за ней следить, либо делами академии заниматься. Пока она училась дома, у нас всегда была гувернантка, и не одна. Тут же эти функции ложатся на твои неслабые плечи, — уже спокойнее пояснил ректор. В его голосе даже душевная теплота мелькнула. — Пойдем, я зачитаю тебе правила обращения с этой невиданной зверюшкой. А ты... — Папа взглянул на меня выразительно, так, как мог только он. Одновременно с любовью и вселенской ненавистью. — Отправляйся спать. Я по запаху чую, что варево твоё не получилось! Что ты там, в лаборатории, пыталась набезобразничать, рыжее чудовище?

Вопрос был риторическим, и я промолчала. Также не стала уточнять, что ничего не варила и воняет так сомнительная настойка Риз, а не зелье моего изготовления. Гораздо больше меня взволновало то, что я увидела, когда Демион повернулся ко мне спиной и послушно пошел за ректором. За блондинчиком тонкой ниточной вился черный дымок, который могла увидеть я одна. Проклятие. Знать бы еще, какое. Видимо, я все же его не потеряла, а совершенно случайно прокляла Демиона.

— И вот что мне не сиделось в пансионе? — простонала я, когда за спинами мужчин закры-

лась дверь папиного кабинета. — Проблем там точно было меньше! И нервных потрясений тоже. Что за проклятие на Демионе? Как оно будет действовать и когда? Куда подевалось мое Пироженко?! Столько вопросов, а вместо ответов — головная боль.

Колени тряслись, и, к своему ужасу, я начала икать. Впервые с того момента, как я оказалась в академии, Трусея мне виделась не самой большой проблемой. Бутылка с настойкой Риз захватила воображение и маячила перед глазами. Я поняла, что просто не в состоянии игнорировать желание успокоить нервы нехарактерным для меня, но весьма традиционным для многих способом. Только бы найти Пироженко. Где оно может мотаться и кого порадует своей огромной сладкой тушкой? Завалится к какому-нибудь почтенному профессору? Вот конфуз будет!

Я неспешно брела по коридорам, надеясь выловить плод своих магических деяний, и размышляла о нелегкой судьбе начинающей магички. Эксперимент с проклятием с треском провалился. Или не провалился? Неясно. Но сработал однозначно криво, а как именно, я не знаю и не представляю, как в этом разобраться. Беда. Демиона хотят приставить ко мне в качестве надзирателя. И вообще все плохо. Надо с этим что-то делать. Поэтому я решила, что лучше всего будет позорно сбежать к девчонкам, а не идти страдать к себе в комнату. Они хорошие, они меня жалеют и понимают. Может, чего присоветуют.

В конце концов я добралась до нашего крыла в общежитии, которое оказалось самым тихим. Например, на первом этаже меня едва не унесло ураганом, в котором тихо постанывал какой-то призрак, — у третьекурсников начался предмет «Управление погодой. Четвертый курс вообще гулял. На входе в их крыло унылый скелет (я придиричиво присмотрелась, не мой ли) держал в руках табличку: «Не влезай — убьет!» — и громыхало из-за закрытых дверей знатно. Не знаю, кому бы пришлось в голову туда влезать. Мне — нет.

К сожалению, за время длительной прогулки я так и не встретила свое Пироженко. Это насто-раживало. Я, конечно, надеялась, что магия оказалась недолговечна и Пироженко просто развеялось, но тогда возникал вопрос: куда делся скелет тролля? Он-то должен был остаться? И тварь у меня получилась немаленькая, а все же где-то затерялась. Шушель бы побрал мою рассеянность! Вот сложно мне, что ли, было привязать его к ножке стола? Тогда бы точно не убрел и не потерялся. «Ага, а попался бы на глаза Демиону и папочке, а это ничуть не лучше!» — осадил я саму себя и дернула за ручку двери в триста тринадцатую.

— Что случилось? — спросили меня девчонки прямо с порога, и я выдала свое коронное: «Ы-ы-ы».

— Так, Риз! — скомандовала Сильвена. — Тащи настойку. Прошлый раз Касс выдала загадочное: «Ы-ы-ы», когда увидела Демиона. Похоже, она опять с ним пересеклась и встреча произвела не-

изгладимое впечатление. Подозреваю, не только на нее.

— Ага, — кивнула я и плюхнулась на жалобно застонавшую панцирную кровать. — Все плохо. Даже нет, все значительно хуже, чем плохо. Все просто ужасно по всем фронтам.

— Папа узнал? — перепугались девчонки.

— Нет. Плохо не настолько... хотя... если сложить все неприятности, то в совокупности будто папа узнал...

— У-у-у, — задумчиво отозвалась Сильвена. — А подробности можно?

Ну, я и выдала все подробности. Точнее, не совсем все, про Пироженко умолчала. А зачем говорить, оно само должно к утру развеяться. Наверное. Съесть в дружной девичьей компании его уже не выйдет, а жаль. У нас как раз печеньки к чаю закончились.

— Значит, папа решил сделать из Демиона твою няньку? Как это занимательно... — задумчиво заметила Сильвена и намотала прядь светлых волос на палец. — И неосмотрительно с его стороны, — спустя некоторое время добавила она.

— А подробнее? — подозрительно уточнила я.

— Ну... — Сильвена задумалась, прежде чем продолжить. — Понимаешь, Демион окончил академию не так давно, года три назад. С ним на параллельных курсах училась моя сестра. Так вот, Демион, он тогда был... — подруга замолчала, — ну как наш Леон сейчас.

— То есть? — Я пока не очень хорошо разобралась, кто есть кто. Помнила, что Леон — рыжий и наглый.

— То есть самоуверенный болван с деньгами, к которому льнет тьма неадекватных глупых девиц, и он с удовольствием с ними развлекается на папашкины деньги! — отрезала Лира, поморщившись.

— Ага, — согласилась Сильвена. — Демион умный, но раздолбай и никогда не скрывал этого. Плюс у него папа — какая-то шишка в министерстве магии. Так просто его из академии выставить невозможно. Он когда учился, чудил знатно. Их компания так общагу сотрясала, как нынешним студентам и не снится. Демион еще тогда стоял твоему папе поперек горла. Сейчас, конечно, поуспокоился, можно сказать, остепенился, но память жива.

— А зачем папа его вообще взял в аспиранты?

— Говорю же, Демион умный. Закончив академию, он, в пику своей родне, вместо нагретого места в министерстве решил поступить в аспирантуру. И поступил, блестяще сдав все экзамены. К твоему отцу в аспиранты он пошел, по-моему, тоже исключительно из мерзкого характера. Теперь они друг другу нервы мотают. Ты — разменная монета в их игрищах.

— Вот, значит, как? — Я злобно прищурилась. — Ничего, они у меня еще попляшут. Вместе, значит, развлекаются, а я страдай?

— Так, может, папе рассказать, про то, что вы с Демионом знакомы? — наивно предложи-

ла Риз. Ее большие карие глаза доверчиво распахнулись.

— Ага, и про обстоятельства знакомства тоже! — Смешок вышел нервным. — Я похожа на самоубийцу? А потом, я уже однажды Демиона подставила и не могу ему подложить такую свинью еще раз. Думаешь, папа будет разбираться, кто прав, кто виноват? Достанется всем по первое число. Хорошо, если академия уцелеет. Нет уж, я не настолько на своего блондинистого няня зла. Пусть живет.

— Да-а-а, проблема... — протянула Риз, надув пухлые губки.

— Это еще не все. — Я отмахнулась и загрустила, вспомнив про проклятие.

— Что еще?

— Я случайно Демиона прокляла... очень глупо получилось.

— Чем? — ахнули девчонки хором.

— А это следующая...

— Проблема? — вздохнула Сильвена и неожиданно закрыла глаза. Риз и Лира замерли, валькирия даже палец к губам приложила, показывая, что мне лучше молчать.

Пифия начала медленно покачиваться, ее кожа бледнела, а сама Сильвена все больше становилась похожа на призрак. Я внутренне сжалась, ожидая от подруги предсказания, но спустя минуту транс Сильвена вздрогнула, открыла глаза и, тряхнув волосами, с сожалением сказала:

— Нет. Не знаю... ничего не вижу. Точнее... что-то вижу... но это «что-то» — ничего.

— Это как? — подозрительно уточнила Риз.

— А вот так! — раздраженно буркнула Сильвена и надулась. — Придется тебе, Касс, самостоятельно вспоминать, что произошло.

— Да я уж поняла, но в голову ничего не приходит. Я сунула проклятие в карман... Ну, не само проклятие, а лишь заготовку, в которую не успела вложить никакого речевого смысла.

— Зачем ты это сделала? — не выдержала Лира. На ее лице застыло возмущенное удивление. — Кто кладет в карман сгусток чистой энергии? А если бы ты у нас училась, ты бы пульсар в карман сунула? Это же очень опасно!

— Нет. — Я помотала головой, не понимая, как можно сравнивать такие разные вещи. — Пульсар жжется, а неактивированное проклятие — нет. Оно мне в руках мешалось, а потом появился Демион, отвлек, я забылась, а когда вспомнила, проклятия в кармане уже не было, а по пятам за блондинчиком вился черный мерзкий дымок, которого, кроме меня, никто не видел... Оно само получилось, я совершенно не виновата!

— Так. — Лира выдохнула и потерла руками виски. — Вряд ли ты смогла организовать что-то смертельное, правильно, Кассандра?

— Не знаю. — Я пожала плечами, ступавшая под пристальным взглядом голубых глаз. — Отрабатывала технику, ни о чем не думала, а тут появился Демион, напугал, я потеряла концентрацию и... в общем, вот. Думала, у меня ничего не вышло! Но, оказывается, я талантливее, чем себе представляла.

— Лучше б была бездарностью! — отрезала Сильвена. — Демиону нужно будет все рассказать. Это не шутки, — отрезала она. — Это его профиль. Без помощи специалиста мы ни за что не пойдем, что Касс натворила.

— А это обязательно? — проблеяла я и с ногами заползла на кровать, сжавшись у стенки. — Он и так хочет меня убить. А когда узнает о нечаянном проклятии неизвестного содержания, совсем взбесится. Я его боюсь.

— Никто никого не убьет. — Лира была сосредоточена. — Вспоминай лучше, что ты могла ему пожелать этакого?

— Не знаю. — Я всхлипнула. — Точно не желала сдохнуть. К счастью.

— Да уж. Тебе вообще нужно отвыкнуть желать такое, даже сгоряча и нечаянно. Слишком много поставлено на кон.

— И покалечиться тоже точно не желала, — продолжила я вспоминать.

— Уже лучше, — попыталась успокоить меня Сильвена. — Давай приходи в себя и отправляйся каяться. Вдвоем вы быстрее найдете способ избавиться от проклятия. Просто это не уровень первого курса. Как у тебя вообще вышло создать что-то такое?

— Пролила на руки усилитель... — нехотя созналась я. — Ну и вообще была на эмоциях.

— Много пролила?

— Ну, видимо, достаточно. Демион меня точно убьет. Не могу я к нему идти сама. Может, ничего

страшного, может, проклятие само рассосется? — с надеждой уточнила я. — А вдруг дымок мне просто почудился? Бывает ведь такое? Переутомилась, перенервничала, в глазах помутнело?

— Я бы не стала мечтать... — медленно отозвалась Сильвена и грустно мне улыбнулась. — Собирайся с духом.

— Не получается.

— Ну, это ничего! — Риз суетливо метнулась в сторону кладовки третий раз за вечер. — Сейчас! Для смелости у меня имеется нечто особенное.

Нечто особенное было ядовито-зеленого цвета. Внутри пузатой бутылки плавал, довольно срыгивая, изумрудный и очень редкий змееныш. Представления не имею, где его умудрилась достать Риз. Неужели сама вырастила? Говорят, сделать это невероятно сложно — зеленый змий капризен и частодохнет. Но если уж выжил, то существует долгие годы, обеспечивая хозяев ярко-зеленым крепким пойлом с отчетливым привкусом полыни и забойным непредсказуемым эффектом. Пить этот алкоголь нужно осторожно, так как он коварен. На рынке стоит дорого и очень ценится. Успехи в учебе у Риз были посредственные, мне кажется, это потому, что свое призвание она уже нашла.

— Я это пить не буду, — сморщив носик, сказала Сильвена и даже отодвинулась, демонстрируя свое отношение.

— А я буду пить все, — мрачно заметила я и с суровой решимостью уставилась на плавающего в зеленых водах змия.

— Лира, а ты хочешь? — тоном вежливой хозяйюшки поинтересовалась Риз.

— Нет, — покачала головой наемница, и я удивленно на нее покосилась. Но, видимо, Риз знала подругу лучше, поэтому уточнила:

— А будешь?

— Буду! — тут же оживилась валькирия.

Ко второй кружке зеленой настойки похорошело, а когда мы только разлили по третьей, в дверь постучали. Судя по оживившимся Труселям, которые начали плотнее обхватывать ягодицы, пожаловали парни. Сильвена попыталась тонко возразить, что там Зельц — ее возлюбленный третькурсник, но мы мольбы проигнорировали и посетителей изгнали, чтобы не мешали прекрасной половине кутить. Парни оскорбились, но когда в одного из самых наглых полетела тапка, решили, что разумнее будет ретироваться, а мы продолжили загул, стараясь игнорировать изрядно помрачневшую Сильвену.

Зеленая настойка Риз оказалась нескончаемой. Змия хватало надолго, мы подливали в бутылку воды, он начинал шипеть, плевать, возиться, и скоро жидкость меняла цвет и снова приобретала все необходимые для веселого времяпрепровождения качества.

— Он же, наверное, туда писает! — пыталась вразумить нас Сильвена, потягивавшая маленькими глоточками вишневую наливку из смешной чайной чашки, украшенной розочками.

— Ну и что? — искренне изумилась я. — Вкусно же! — И сделала очередной глоток в подтверждение своих слов. Вообще, если честно, вкусно не было, особенно сначала, было очень крепко.

В ушах уже шумело, попа жаждала приключений, а мир вокруг был скучен и сер до безобразия, и тогда в чью-то больную голову пришла идея организовать вечеринку и позвать друзей. Благо спиртное у нас имелось в избытке.

— Вот не стоило прогонять мальчишек! — буркнула все же обиженная на нас Сильвена и залпом допила из кружки наливку. При этом сделала она это так манерно, оттопырив мизинчик, что я прыснула со смеху и едва не свалилась с кровати, на которой сидела.

Лира притащила большой лист бумаги, а мы с Риз, толкаясь и хихикая, изобразили на нем огромные панталоны. Я с детальной точностью воспроизвела клубнички и рюши, используя, как образец, папин подарочек. Сверху мы подписали крупными буквами: «Ночь клубничных Труселей! Танцы, выпивка до рассвета! Закусь приносить с собой» — и вывесили это чудо художественного искусства на дверь комнаты.

— А комендант? — поинтересовалась я. В пансионе благородных девиц с этим было очень строго. Любые вольности пресекали. Здесь же, судя по кутежу на других этажах, к загулам относились проще.

— Обхода не бывает.

— Бывает, — мрачно заявила Лира, — но через пару часов. Вы в это время чаще всего спите. Впрочем, сомневаюсь, что нам дадут порезвиться так долго.

— Ничего, — заметила я, — главное — качественно. А потом мы всегда можем позвать коменданта к себе!

Следующие полчаса у меня в воспоминаниях смазались, превратившись в разноцветную череду картинки, где мы с Лирой пили на брудершафт, а потом целовались. Трусея в это время беспокойно ерзала на попе, видимо, не в силах понять, насколько сильна сейчас опасность для чести хозяйки. Потом Риз пыталась что-то станцевать на столе, но сверзилась, и лишь одна Сильвена взирала на нас с невозмутимостью и спокойствием.

Народ подтянулся на удивление быстро. Жаль, я выпила столько зеленой веселой настойки, что лиц не различала. Сознание возвращалось яркими вспышками, и в эти редкие моменты я пыталась изучить обстановку. Люди и градус веселья прибывали в геометрической прогрессии, мелькали лица, тела, кажется, я с кем-то танцевала, но с кем? Это определить я затруднялась. Нет, я могла отличить парня от девушки, но в основном по поведению Трусей, которые при приближении опасности льнули ближе, словно готовились к обороне. Меня это сместило, и несколько раз я неприлично заржала невпопад. Со стороны мое поведение смотрелось, наверное, дико.